

Монография "Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты" представляет собой одно из первых монографических описаний русского языка зарубежья (ср. [Грановская 1995; Andrews 1999]) и первое исследование, описывающее все языковые уровни, различные волны эмиграции в Европе и Америке, охватывающее и устные, и письменные источники материала и включающее анализ языка нескольких поколений отдельной семьи. Авторы объединяют общий подход, предполагающий рассмотрение языковых процессов эмиграции на фоне тех процессов, которые происходят в русском языке метрополии. В качестве информантов используются носители литературного русского языка, выходцы из России или российской части СССР.

Монография состоит из двух частей, написанных Е.А. Земской и М.Я. Гловинской, и Приложения, автор которого – М.А. Бобрик. Идеологию этой работы можно сформулировать так. Если М.Я. Гловинская показывает процессы разрушения русского языка эмигрантов, то Е.А. Земская и М.А. Бобрик берут на себя позитивную часть работы и представляют сохранность русского языка эмиграции. Различия в подходах авторов и используемом материале делают отдельные главы книги взаимодополняющими и не противоречат друг другу: дело здесь в фокусе внимания исследователей.

Первая часть "Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты", выполненная Е.А. Земской, основана прежде всего "на сделанных автором в 90-е гг. магнитофонных и ручных записях устной речи русских эмигрантов разных волн, живущих в пяти странах (Италия, Франция, Германия, Финляндия и США). Дополнительно привлекались данные письменной речи..." (с. 19). Цель этой части книги – "найти корреляции между историческими, социальными, культурными,

индивидуальными особенностями и степенью сохранности/разрушения русского языка, выявить факторы, способствующие сохранению русского языка" (с. 20) у различных поколений эмигрантов, преимущественно – представителей первой волны эмигрантов и их потомков.

Исследовательский прием Е.А. Земской – изучение языка отдельных людей на фоне формирующих его социокультурных составляющих. Важнейшее преимущество в интерпретации материала – сравнение его не с кодифицированным литературным языком (а именно это делают все без исключения авторы уже опубликованных работ по русскому языку за рубежом), а с разговорным русским языком метрополии.

Дав краткую справку о волнах эмиграции (глава II), Е.А. Земская рассматривает в отдельных главах экстралингвистические факторы, влияющие на сохранность русского языка эмигрантов различных волн (главы III, VIII), особенности речи эмигрантов первой волны и их потомков (глава IV), явление угасания письменной формы русского языка в среде эмиграции (глава V), функции английской лексики в речи эмигрантов разных волн, живущих в США (глава VI), речь эмигрантов как свидетельство роста анализма в русском языке (глава VII); глава IX содержит тексты записей, глава X – речевые портреты.

Представляется чрезвычайно важным вывод автора о том, что между речью эмигрантов одной волны, живущих в разных странах, наблюдается большая общность, чем между речью эмигрантов разных волн, живущих в одной стране (с. 257). Этот вывод основан на анализе материала всех языковых уровней. Важно, что наблюдаемая общность касается и такого явления, как разная степень устойчивости (сохранения) русского языка у эмигрантов разных волн. Наибольшее сходство

в языке и речевом поведении наблюдается между эмигрантами первой волны (Там же).

В области фонетики к числу устойчивых признаков относятся корреляции по звонкости/глухости, твердости/мягкости. "Неустойчивые признаки имеют одну общую отличительную особенность: они не релевантны для фонологической системы русского языка" (с. 259). Лексика, наиболее проницаемый для влияния других языков лингвистический уровень, свидетельствует о различиях между волнами эмиграции. Словообразовательный механизм остается активной силой (с. 260). Морфология относится к числу более устойчивых подсистем русского языка, чем лексика и фонетика. Спряжение не подвергается разрушению, "формы числа и глаголов, и существительных функционируют без ошибок" (с. 107). В сфере склонения проявляется экспансия им. падежа, ослабление функций некоторых косвенных падежей, причем эти явления зачастую находят параллели и в языке метрополии (с. 260). Автор говорит о "паразитической стойкости русского языка", причем выделяются особые сферы его сохранения: православная церковь, общение с маленькими детьми и разговоры с домашними животными (с. 264). В то же время "отрицательный языковой материал" позволяет говорить об известном изоморфизме речи эмигрантов и просторечия и речи детей в России (с. 105–106). Отдельные изменения в языке эмигрантов, относящиеся к сфере морфологии, находят объяснение в теории естественной морфологии (с. 108, 260).

Эта часть монографии содержит множество как структурно-языковых, так и социолингвистически ценных наблюдений, каждое из которых достойно обширного обсуждения. Ср. рассуждения о факторах, влияющих на сохранность русского языка (они подытожены на с. 258), размышления о речи эмигрантов как свидетельстве роста аналитизма в русском языке (глава VII).

Первая часть работы представляет и историко-культурный интерес: ср. анализ группы слов, связанных с речевым этикетом (с. 114), особенностей речевого поведения (с. 135), речевые портреты (глава X).

В эту часть книги входит приложение – "Очерк языка семьи", написанный М.А. Бобрик. Очерк представляет собой с чрезвычайной аккуратностью выполненное описание русского языка трех поколений одной семьи, живущей в Германии. Основное внимание автора сосредоточено на создании индивидуальных речевых портретов, а исследовательский пафос заключается в показе сохранности русского языка на фоне ценностной ориентации конкретных носителей

языка. Анализируемым материалом послужили магнитофонные записи, сделанные главной семьей в 50-е – 60-е годы, и частная переписка.

Во второй части работы "Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции", написанной М.Я. Гловинской, анализируются особенности языка первого поколения эмигрантов всех четырех волн эмиграции, главным образом на основе письменных источников. К анализу привлекаются носители русского языка с полностью сформированной еще в России русской речью, живущие в различных странах Европы и Америки.

Важнейшее преимущество автора – уже проделанная им аналогичная работа на материале русского языка метрополии (см. [Гловинская 1996]), что дает автору уникальную возможность шаг за шагом и факт за фактом взвесить и оценить наблюдаемые явления кодифицированного литературного языка. Понятно, что использование такого исследовательского аппарата дает надежные результаты.

Цель этой части монографии – установление наиболее подвижных в настоящее время участков русского языка. Как говорится во "Вводных замечаниях" (глава I), "привлечение языка эмигрантов для решения этой задачи дает дополнительные возможности, так как ошибки, повторяющиеся в речи эмигрантов первого поколения независимо от волны и языка окружения и лежащие в том самом русле, что и ошибки метрополии, в такой же мере свидетельствуют об определенной языковой тенденции, что и последние", причем в условиях эмиграции языковые изменения могут проявляться раньше и отчетливее, чем в языке метрополии (с. 341).

Материалом для исследования послужили в первую очередь письменные тексты – главным образом, неопубликованные, а также опубликованные мемуары, художественная литература, эмигрантская пресса и др. (с. 346).

Раздел монографии, выполненный М.Я. Гловинской, делится на две главы: "Явления, общие для языка эмиграции и метрополии" (глава II) и "Специфические явления в языке эмиграции" (глава III). Среди общих явлений – при зачастую опережающем характере процессов, происходящих в языке эмиграции, – названы следующие. Фонетическое явление – предлоги с беглым *o* перед сочетаниями согласных. В морфологии – ослабление формального противопоставления падежей, проявляющееся в путанице флексий родительного и предложного падежей; вытеснение родительного винительного падежом и др.; нарушения в функционировании видо-

временных форм, проявляющиеся в расширении функционирования формы совершенного вида; в сфере синтаксиса – рассогласование по кореферентности субъектов двух предикатов – главного и зависимого (вроде *И давая письма маме, ускорялась их доставка*, с. 398). Отмечена путаница в употреблении личных притяжательных местоимений и возвратного *свой*; утрата терминов дальнего родства. Эти ошибки, общие с метрополией, М.Я. Гловинская назвала ошибками на развивающихся участках языка (с. 475–480).

Помимо общих с метрополией ошибок, М.Я. Гловинская обнаружила и явления, специфические для языка эмиграции. К ним относятся ошибки на "идиоматичных" участках языка. "На идиоматичных участках языка поведение языковых единиц регулируется не общими правилами, а индивидуальными, лексически ограниченными. Такие участки оказываются неустойчивыми к влиянию языка окружения, и на них возникают специфические для эмиграции явления" (с. 480). К идиоматичным ошибкам относится перераспределение существительных по классам *singularia* и *pluralia tantum* – в области морфологии, и явления из области синтаксиса словосочетаний: поведение компонентов комитативных конструкций (*Я с мамой пошла в церковь*, с. 404), сравнительных (*гораздо бесполезнейший и глупейший*, с. 405 и др.), сочинительных, временных, пассивных и посессивных конструкций, а также управление слов (с. 481). Самый обширный материал здесь дает лексика в области фразеологической связанной лексической сочетаемости (Там же).

Еще один тип специфических ошибок, отмеченный М.Я. Гловинской в языке эмигрантов, – это ошибки на универсально слабых участках языка. Автор называет их универсальными, потому что они оказываются уязвимыми не только в условиях эмигрантского шока, но и при речевых расстройствах, притом в различных языках (здесь М.Я. Гловинская ссылается на работы Р.О. Якобсона об афазии – с. 481). В первую очередь такие ошибки проявляются в грамматической сфере – в области управления глаголов, у служебных и "строевых" слов, шифтеров. Так, выявлены ошибки в употреблении предлогов, союзов, местоимений (опущение личных местоимений), анафорических слов. К этому же типу относятся ошибки, "возникающие на базе единиц с богатым и сложным модальным значением, например, частиц. Именно на таких участках на русский язык может влиять язык окружения" (с. 482).

Важнейшим представляется следующий вывод автора. При достаточно долгом пребывании в эмиграции уже у первого поколения на определенных участках языка появляются специфические ошибки разрушительного характера. В других известных мне исследованиях, из которых наиболее полное описание русского языка первого поколения эмигрантов представляют собой работы М. Полинской, делается противоположный вывод о том, что структурные языковые изменения представителей первого поколения эмигрантов совпадают с тенденциями языкового развития метрополии, хотя и могут несколько ярче проявляться. Среди таких изменений М. Полинская называет расширенное по сравнению с метрополией употребление им. падежа вместо твор. в именной части сказуемого, вытеснение род. падежа винительным при отрицании и глаголах, традиционно управляющих именем в род. падеже – вроде *просит убежища*, несклоняемость числительных, возрастающий аналитизм в именных конструкциях, вроде *я на тебя удивляюсь*, см. [Polinsky 2000; Polinsky (in press)]. Ср. об этих процессах, общих для языков метрополии и эмиграции, с. 358–361, 363–366 рецензируемой монографии, а также работу [Гловинская 1996].

Мне бы хотелось прокомментировать раздел монографии, написанный М.Я. Гловинской, следующим образом. Явления, отличающие язык эмиграции от языка метрополии, в большом числе случаев представляют собой факты двух типов. Это архаизмы, с точки зрения современного состояния, присутствующие в речи эмигрантов первой волны (как употребление полных и кратких прилагательных в роли предикатов, с. 417), а именно материалы первой волны в основном и использовались автором. И, далее, это явления, развившиеся под влиянием доминирующего в данной стране языка (этим можно объяснить большинство примеров, нарушающих правила распределения слов по разрядам *pluralia* и *singularia tantum*, с. 401–403), на что, как правило, указывает сам автор (место постановки отрицания *не* в предложении, с. 409 и сл.; расширенное по сравнению с метрополией употребление пассивных конструкций – архаизм, поддерживанный условиями двуязычия, с. 414–416; нарушения в порядке слов, с. 422).

По отношению к современному состоянию языка метрополии собственно инновационных явлений немного. Наиболее ярким кажется опущение местоимений (1, 2 и 3 лица), используемых в качестве подлежащего, представленное в языке всех волн эмиграции и убедительно документированное материалом русского языка из разных стран (с. 427–429).

В монографии в целом читателю представлено большое количество нового материала; по поводу предложенных к обсуждению фактов могут высказываться разные точки зрения. Понятно, что приглашение читателя к дискуссии – это свойство всякого серьезного исследования.

Так, и Е.А. Земская, и М.Я. Гловинская отмечают замедленный по сравнению с современной российской нормой темп речи эмигрантов. Е.А. Земская, анализирующая речь потомков эмигрантов первой волны, относит эту особенность на счет сохранности старой нормы и пишет: "Речь эмигрантов первой волны может быть охарактеризована как литературная разговорная речь, во многом близкая русскому литературному разговорному языку (РЯ) современных жителей России среднего и пожилого возраста. От речи современной молодежи ее отличает прежде всего темп, – эмигранты, как правило, не говорят так быстро, как это свойственно молодежи конца XX века. (...) Важнейшая отличительная особенность речи эмигрантов первой волны – четкая дикция" (с. 75, 76).

Яркой отличительной чертой речи потомков эмигрантов считает замедленный темп речи и М.Я. Гловинская, которая объясняет это сохранностью старой русской нормы – в то время как "для русского языка в России на протяжении XX столетия засвидетельствована тенденция к увеличению темпа речи. (...) Убыстрение темпа речи отмечается как характерная черта в развитии многих языков (...), в том числе и тех, на которых потомки эмиграции говорят как на родных" (с. 342–343).

Замедленный темп речи у эмигрантов различных поколений отмечает и М.А. Бобрик (с. 300, 305, 323).

Однако замедление темпа речи наблюдается и у эмигрантов первого поколения последней волны, находящихся за пределами России – например, в США – не более десяти лет. Можно предположить, что замедленный темп речи и четкость дикции могут объясняться особенностями коммуникативной ситуации, в которой находятся говорящие: это неуверенность в фоновых знаниях и ценностной ориентации собеседников, ведущая к вошедшей в привычку "энциклопедичности" речи, ее максимальной объективации, что проявляется не только в просодии (см. [Осипова 1999; 2002]). Коммуникативными нуждами – неуверенностью в том, что будут верно поняты, – склонна объяснять замедленный темп речи и четкость артикуляции эмигрантов последней волны, живущих в США, и М. Полинская, пересехавшая из СССР в США более 10 лет назад: "Непонятно,

связана ли утрата редукиции и изменения в темпе речи с влиянием определенного варианта русского языка или, скорее, с тем фактом, что говорящие на эмигрантском языке [Emigré Russian] изолированы от своей исходной языковой среды, в которой они могли рассчитывать на полное понимание говорящих с тем же фоновым опытом". Оказавшиеся в условиях эмиграции носители русского языка стремятся, чтобы быть понятыми, говорить более четко и более медленно [Polinsky (in press)]. В речи потомков эмигрантов, вывезенных из СССР детьми и перешедших на английский язык как на основной язык общения, к коммуникативному фактору добавляется неуверенность в собственном знании русского языка. Убедительным аргументом в пользу именно такого объяснения фактов служит то, что те же явления – четкость дикции при одновременном снижении темпа речи – отмечаются и для других языков, функционирующих в иноязычной среде (со ссылкой на [Mühlhäusler 1986: 151] см. [Polinsky (in press)]).

Понятно, что если эти явления отмечены в речи "своего" социума эмигрантов, то при общении с выходцами из России – например, с исследователями – они будут только ярче проявляться. В таком жанре коммуникации дефицит эмпатии (см. о категории эмпатии как необходимой составляющей успешного речевого акта на материале русского языка [Yokoyama 1987; Йокояма 2000] и цитируемую здесь литературу), то есть способности понимать проблемы другого человека, не может компенсироваться даже самым доброжелательным отношением собеседников друг к другу – симпатией.

В то же время нельзя не согласиться с мнением Е.А. Земской и М.Я. Гловинской о том, что речь эмигрантов сохраняет черты архаичности (с. 77 и далее, с. 343 и далее), о чем уже говорилось выше. Известно, далее, наблюдение о том, что в условиях эмиграции происходит остановка в языковом развитии [Haugen 1973: 536]. В связи с этим авторами монографии правомерно ставится вопрос: существует ли в условиях эмиграции – в частности, у потомков эмигрантов (так ставит вопрос М.Я. Гловинская) – разговорный русский язык?

Е.А. Земская отвечает на этот вопрос безусловно положительно. М.Я. Гловинская – положительно, но с оговорками, указывая на промежуточный характер разговорной речи потомков первого поколения: "с одной стороны, они употребляют и разговорные конструкции, ср., например, порядок слов, именительный темы, с другой – широко используют и сугубо книжные конструкции, совер-

шенно нетипичные для разговорной речи метрополии..." (с. 343). Автор высказывает весьма проницательное предположение о том, что «разговорная речь потомков эмиграции характеризуется меньшей глубиной эллипсиса, чем речь метрополии. Между тем именно эллипсис приводит к появлению наиболее ярких и "неправильных" разговорных употреблений; ср., например, широко обсуждавшиеся в литературе примеры типа *Вы не видели / белая собака?* или *Звоните / на лыжах*. Подобные высказывания (...) являются по существу полипредикативными и подразумевают что-то вроде следующего: *Вы не видели, [здесь бежала] белая собака? Звоните, [договоримся, когда поедем] на лыжах*. Отсутствие такого рода "неправильностей" в языке потомков и может создавать впечатление, что они вообще не пользуются русской разговорной речью. Какие-то потери в этом отношении могут возникать даже у первого поколения» (с. 344).

С этим наблюдением нельзя не согласиться. Подчеркнем, что и эта черта речи потомков первого поколения эмигрантов – как и снижение темпа речи и ясность артикуляции – связана с действием социальных факторов: эллипсис возможен только в тех случаях, когда собеседники уверены в том, что будут поняты.

Коммуникативными же нуждами, зачастую не оставляющими говорящим выбора иной речевой стратегии, объясняется и такое яркое явление разговорной речи эмигрантов, как широкоупотребительность вкраплений из языка принимающей страны, о чем пишет М.Я. Гловинская (с. 438). См. об этом на материале языка эмигрантов третьей и четвертой волны в США [Andrews 1999].

Здесь хотелось бы сказать подробнее о действии коммуникативного фактора. По нашим наблюдениям, отсутствие эллипса, как и замедленный темп речи, характеризуют и речь первого поколения последней волны эмигрантов в США. Чтобы прокомментировать эти явления, прибегнем к терминологии О. Йокояма, использующей понятие "импозиции" – приписывания говорящим адресату определенного когнитивного знания без объективных показателей того, что это знание доступно адресату (см. [Йокояма 1992; 2000; Yokoуama 1994a; 1994b]). Импозиция, как правило, не нарушает успешности коммуникативного акта в тех случаях, когда она действует в рамках "своего" модуса коммуникации, объединяющего находящихся в близких отношениях собеседников [Там же]. Именно с импозицией связаны такие явления разговорной речи, как высокий темп речи (О. Йокояма говорит об особенностях аллег-

рового произношения, см. [Yokoуama 1994a; 1994b]), эллипсис и многие другие [Там же; Йокояма 1992]. Поэтому при общении с "чужими" говорящий, заинтересованный в успешности коммуникации, стремится избегать эллипсиса и говорит медленнее обычного. О. Йокояма противопоставляет "грамматику сдержанности" (grammar of restraint), использующуюся при общении с "чужими", "грамматике близости" (grammar of closeness) – последняя действует в "своем" модусе; восприятие говорящим расстояния между собеседниками последовательно проявляется на различных уровнях языка [Yokoуama 1994a].

Понятно, что социальные отношения и расстояния между носителями русского языка, живущими вне России – в других социумах, отличны от того, что наблюдается в метрополии: далеко не всегда можно угадать, каков социо-культурный опыт говорящего по-русски собеседника; надежда, что будешь понят, часто оказывается иллюзорной. Часто "свой" речевой модус эмигрантов оказывается суженным до пределов семьи. И здесь будет отмечен и нормальный для русского языка темп речи, и эллипсис – из перечисленных выше характерных признаков языка эмиграции останется скорее всего только высокая степень интерференции. Иными словами, несовпадение сферы действия "грамматики сдержанности" с тем, что наблюдается в России, еще не говорит об исчезновении "грамматики близости".

Далее, комментарий к фактам, описанным в монографии, дает не только обращение к русской речи других волн эмиграции и к фактам других языков, переживающих аналогичные процессы. Интересный материал демонстрирует русское просторечие. Как уже отмечалось выше, по наблюдениям Е.А. Земской, просторечие, речь детей и эмигрантов обнаруживают черты сходства (с. 105).

В некоторых случаях в просторечии, как и в речи эмигрантов, сохраняются архаизмы. Речь эмигрантов первой волны свойственно более широкое по сравнению с метрополией употребление пассива – черта литературного русского языка XIX века, сохранившаяся в условиях эмиграции под влиянием западноевропейских языков (с. 100–102, 414–416). Ср. аналогичный материал просторечия: *прислуг нету, отменено еще в 1917 год; стояла передовая и все люди были вигнаны из хутора* [Козлова, Сандомирская 1996: 90, 142]. По нормам литературного языка следовало бы сказать *отменили еще в 1917 году; людей выгнали*.

И Е.А. Земская, и М.Я. Гловинская пишут об употреблении эмигрантами устаревшей

(с точки зрения современного языка) конструкции – творительного способа действия, свойственном, впрочем, и метрополии (с. 90, 366–368). Кроме фактов из истории литературного языка находим и просторечные параллели: *Люди все на земном шаре одинаковые, все нехотят войны, а что нада С.Ш.А. руководителю Картеру, что он хочет? Неужели Брежнев Л.И. поделится-бы чиво им нада обменом, что им нада; сделали мне перевязку и я скорой машиной приехала домой* [Козлова, Сандомирская 1996: 159, 235].

Явления, роднящие речь эмиграции и просторечие, которые на первый взгляд можно посчитать параллельными инновациями, в действительности могут по крайней мере отчасти объясняться действием прагматических факторов.

Так, Е.А. Земская и М.Я. Гловинская отмечают утрату терминов дальнего родства/свойства – процесс, общий и метрополии, и эмиграции (с. 122). "Язык эмиграции и здесь опережает метрополию, создавая иногда громоздкие аналитические номинации. И теперь недавно (...) я послала эти реликвии жене Сергея. (...) Имеется в виду жена ее сына, т.е. невестка. Между тем, это слово хорошо сохраняется в русской речи метрополии", – пишет М.Я. Гловинская (с. 400). В работе М. Лейнонен, указывает М.Я. Гловинская, как пример заимствованного из финского порядка слов приводятся обозначения вроде *моей матери сестры сын* (Там же).

Просторечные употребления свидетельствуют о том, что подобные конструкции широко применяются не только в речи эмигрантов, ср.: *она пошла до мужа сестры Гаши; Дядя Гриша мамеинной систры муж Даши* ее звали Дарья оны по нации молдоване, приехал по сугробам холоду [Козлова, Сандомирская 1996: 94, 226]. "Проговаривание" родственных отношений может быть связано не с незнанием соответствующих терминов, а с желанием говорящих подчеркнуть, что речь идет не просто о двоюродном брате, а именно о родственнике со стороны матери.

Ср., далее, замечания М.Я. Гловинской о характерных ошибках в употреблении союзов эмигрантами (с. 461–468) и просторечное употребление *Николай из тестем неполадил на усадьби и он его выгнал несмотря чо у них четверо детей из дома; благодаря небыло никого замной не хто негнался, гоню домой Лидуху* [Козлова, Сандомирская 1996: 102, 225]. По устному сообщению Е.А. Земской, подобные конструкции с *несмотря* нередки и

в литературном разговорном языке в России.

Специфическую черту языка эмиграции (как показывают примеры – эмиграции первой волны) составляет следующее явление. Как отмечает М.Я. Гловинская. "в русском языке отрицание ставится перед тем словом, которое отрицается; (...) при языковой интерференции (и в эмиграции, и еще до нее, при русско-французском двуязычии) может происходить перенос отрицания в другое место" (с. 409). Ср. также просторечное *Я недумала сней всю жизнь розговаривать, да приехал Толик фторой мой сын из жены и просили что-бы мы померилися (...) мои сестры тожет с ней не розговаривали что она меня побила* [Козлова, Сандомирская 1996: 126]. Следует сказать, что часть анализируемых в книге письменных текстов написана авторами, не являющимися профессиональными литераторами. Поэтому, возможно, часть ошибок эмигрантов в коммуникативной организации высказывания – такие, как место отрицания или нарушения в соположении темы и ремы (с. 424–425; приводятся примеры из письменной речи эмигрантов первой волны), – вызывается действием именно этого фактора, что подтверждается наличием просторечных параллелей. Как показывают материалы работы [Козлова, Сандомирская 1996] – публикации текста, написанного носительницей просторечия, – и здесь, как и в части анализируемых в книге источников, высказывания строятся так же, как в разговорной, а не письменной речи (ср. об этом по отношению к речи эмигрантов комментарий М.Я. Гловинской, с. 424–425).

Далее, некоторые из отмечаемых как специфически эмигрантские во второй части книги явления, возможно, сформировались еще в России. Сюда можно отнести наименования СССР представителями первой волны эмиграции – *Совдеция*, и *Совок* – эмигрантами третьей и четвертой волн (с. 433–437): ср. *Совдеция* и *Совок* в тюремно-лагерно-блатном жаргоне [Балдаев и др. 1992: 229]. По моим наблюдениям, слово *Союз* по отношению к СССР (ср. с. 436) употреблялось и в метрополии (ср. высказывание, отмеченное в речи москвички в конце 80-х гг.: *Тбилиси / Это мой любимый город в Союзе//*).

Необходимо отметить, что обсуждаемые в книге явления в силу объективных причин отличаются различной степенью проработанности. В некоторых случаях хотелось бы видеть в качестве иллюстраций материал различных стран и волн эмиграции, что добавляло бы приводимой аргументации объяснительную силу. Ведь авторы исследования полагаются на то, что особую доказатель-

ность факты русского языка приобретают в том случае, если они отмечены в языковом окружении разных стран.

В заключение авторы обеих частей книги отмечают следующее. Как пишет Е.А. Земская, не изучены следующие проблемы. "Как именно влияет тот или иной язык страны обитания на язык эмиграции? Какие языки оказывают большее/меньшее воздействие на язык диаспоры?" (с. 267). Что касается языка потомков эмигрантов, усваивающих русский язык в качестве второго языка, или тех, у кого русский язык как первый вытесняется другим языком, то, как отмечает М.Я. Гловинская, эту проблему полезно рассматривать в типологическом аспекте и с позиций языковых контактов (с. 345). В структурно-лингвистическом плане русская речь второго и следующих поколений эмигрантов представляет собой особую проблему (как правило, проблему неполного освоения языка), отличную от проблем, связанных с речью первого поколения эмигрантов.

Важно подчеркнуть, что всякое новое исследование русского языка эмиграции будет проводиться при опоре на результаты, полученные авторами рецензируемой монографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупова И.М. 1992 – Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М., 1992.
- Гловинская М.Я. 1996 – Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996.
- Грановская Л.М. 1995 – Русский язык в "расеянии": Очерки по языку эмиграции первой волны. М., 1995.
- Йокояма О. 1992 – Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // ВЯ. 1992. № 6.
- Йокояма О. 2000 – Эмпатия в рамках трансакционной модели дискурса // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000.
- Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. 1996 – Я так хочу назвать кино. "Наивное письмо": опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.
- Осипова М.А. 1999 – К изучению разговорного русского языка иммигрантов в США: словообразовательный уровень // Slavica. 1999. Roč. 68. № 1.
- Осипова М.А. 2002 – Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 2002.
- Andrews D.R. 1999 – Sociocultural perspectives on language change in diaspora. Amsterdam; Philadelphia, 1999.
- Haugen E. 1973 – Bilingualism, language contact and immigrant languages in the USA: Recent report, 1956–1970 // Current trends in linguistics. V. 10. The Hague: Mouton, 1973.
- Mühlhäusler P. 1986 – Pidgin and creole linguistics. London, 1986.
- Polinsky M. 2000 – A composite linguistic profile of a speaker of Russian in the U.S. // The learning and teaching of Slavic languages and cultures: Toward the 21st Century / O. Kagan, B. Rifkin (eds.). Bloomington, 2000.
- Polinsky M. (in press) – Russian in the US: An endangered language // Russian in contact with other languages / E. Golovko (ed.). Amsterdam.
- Yokoyama O.T. 1987 – Discourse and word order. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Yokoyama O.T. 1994a – Iconic manifestation of interlocutor distance in Russian // Journal of pragmatics. 1994. V. 22.
- Yokoyama O.T. 1994b – Speaker imposition and short interlocutor distance in colloquial Russian // RÉS. 1994. V.LXVI. № 3.